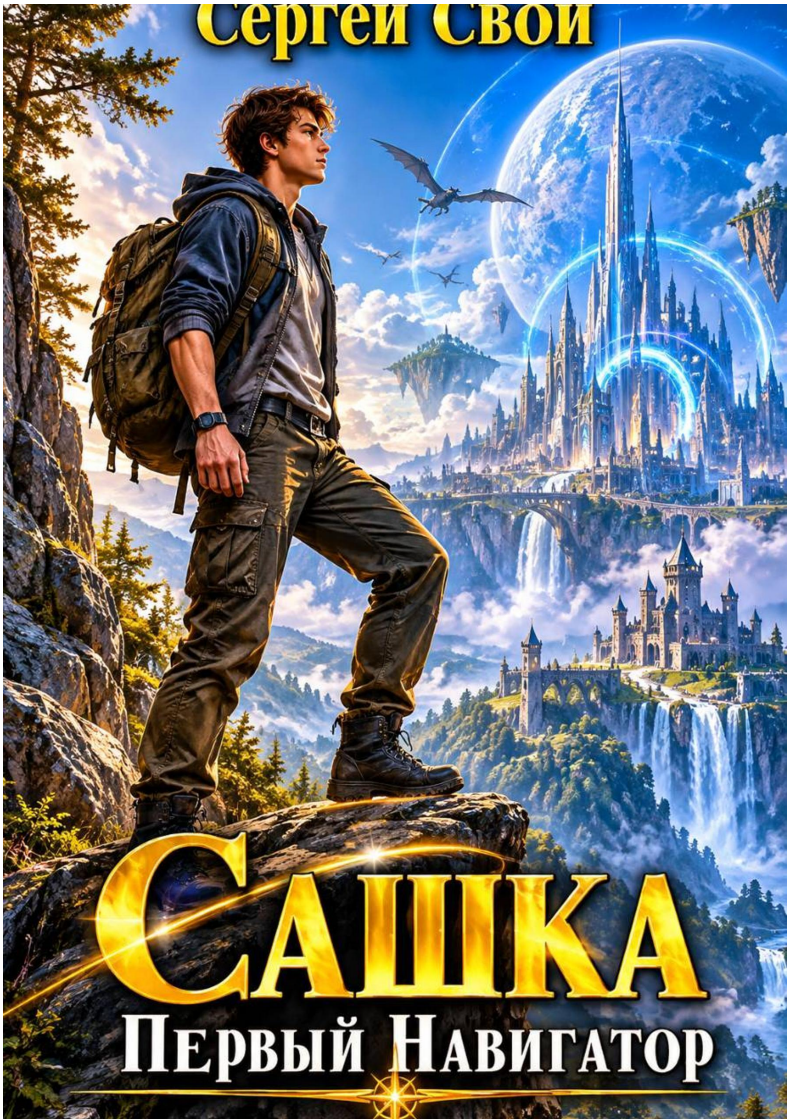

Сергей Свой
САШКА
Первый Навигатор

Сергей Свой
Сашка. Первый Навигатор

https://litres.ru/75018924
SelfPub; 2026

Аннотация

Обычный шестнадцатилетний парень. Обычный бассейн. И одна странная находка на его дне

Александр и представить не мог, что очередная тренировка изменит его жизнь навсегда. Один шаг — и вместо привычного мира перед ним открывается Этерион: удивительная вселенная парящих островов, фантастических городов, древних тайн и невероятных возможностей.

Но сказочный мир не так безопасен, как кажется. Здесь есть те, кто готов разрушить хрупкое равновесие ради собственной власти. И неожиданно именно земной парень становится тем, от кого зависит слишком многое.

Камень Навигатора открывает Сашке способности, о которых он прежде не мог даже мечтать. Теперь ему предстоит найти свой путь среди незнакомых народов, опасных противников и загадок древних Строителей.

Сможет ли обычный парень стать тем, кто проложит дорогу между мирами?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	36
Глава 4	48
Глава 5	73
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Сашка. Первый Навигатор

Глава 1

Точка невозврата

Хлорка в старом муниципальном бассейне «Дельфин» к вечеру всегда становилась гуще, тяжелее, почти осязаемой на вкус. Она въедалась в распаренную кожу, путалась в мокрых вихрах волос и неприятно щипала глаза, даже если весь двухчасовой тренировочный сет ты честно не снимал стартовые очки. Александр сидел на теплом, слегка шершавом кафельном бортике, свесив ноги в прозрачную голубую воду, и методично растирал затекшие плечи. Мышцы приятно гудели и наливались свинцовой тяжестью — тренер Сергей Петрович сегодня не жалел никого, гоняя группу на выносливость. Сначала он заставил ребят плыть четыреста метров комплексом на время, требуя держать темп на баттерфляе до последнего гребка, а потом добил серией из восьми спринтов по пятьдесят метров кролем с интервалом в пятнадцать секунд. Сашка любил это особое состояние после предельной нагрузки: когда в голове устанавливается звенящая, чистая пустота, дыхание выравнивается, как отлаженный метроном, а тело кажется удивительно легким и послушным, словно из него откачали весь лишний вес и дневную суету.

— Сань, ты там уснул, что ли? — крикнул из гулкого про-

ема душевой Димка, его бессменный напарник по третьей дорожке и лучший друг с пятого класса. — Я уже закрываю шкафчик и выхожу! Давай быстрее, а то на последний автобус опоздаем, придется пешком через промзону топать!

— Иду я, иду! — отозвался Сашка, встряхнув головой так, что во все стороны брызнули мелкие капли. — Дай ровно две минуты, я еще пару раз под водой нырну, спину потяну после кроля, а то завтра утром не разогнусь!

— Ну смотри, я тебя у турникета жду, только не копайся! — донеслось уже из коридора, и тяжелая пластиковая дверь душевой с глухим стуком захлопнулась.

В огромном, высоком зале с двадцатипятиметровой чашей сразу стало тихо и как-то по-особенному торжественно. Лишь мерно, на одной низкой ноте гудела система фильтрации и подогрева где-то в недрах подвала, да тихо, лениво плескалась вода у волногасителей, успокаиваясь после десятка тренировавшихся подростков. Сквозь высокие, мутные от конденсата окна сочился сизый ноябрьский сумрак — на улице уже зажглись оранжевые фонари, размытые мелким, нудным моросящим дождем. В такие вечера город за окнами казался серым, плоским и немного сонным, а чаша бассейна — единственным ярким, живым пятном, подсвеченным снизу мощными подводными прожекторами.

Сашка натянул сдвинутые на лоб очки, поправил тугую резинку на затылке, набрал полную грудь пропитанного парами хлора воздуха и мягко, почти без брызг, скользнул в

воду. Вода приняла его привычно ласково, мгновенно обхватив со всех сторон плотной, прохладной пеленой. Он позволил себе секунду просто полежать на спине, глядя в высокий потолок, где в свете прожекторов танцевали бирюзовые блики, а затем перевернулся на грудь и ушел на глубину.

Он поплыл под водой длинными, экономичными гребками брассом, скользя в полуметре от дна вдоль синей разметки. Движения были отточены годами: мощный развод рук, плавный подтяг, резкий, хлесткий толчок ногами — и тело по инерции пролетает вперед еще пару метров в полной тишине. На глубине трех метров, у самого основания вышки для прыжков, свет от подводных ламп вдруг преломился странно и неправильно. Обычно в этом углу на белом кафеле лежал ровный, дрожащий узор золотистых полос, но сегодня у самой решетки донного слива вода словно сгустилась, потеряла свою прозрачность и закрутилась в тугую, бесшумную воронку.

Сашка прищурился сквозь слегка поцарапанный пластик очков и сделал еще один гребок, сокращая дистанцию. Прямо над решеткой, не касаясь дна, висела идеальная, геометрически безупречная сфера размером с большой гимнастический мяч. Она не отражала свет прожекторов, как пузырь воздуха, а будто жадно втягивала его в себя, переливаясь изнутри густым, матовым, перламутровым свечением — таким, каким светится в темноте экран старого телевизора с электронно-лучевой трубкой, если поднести к нему сильный

магнит.

«Странный светильник, — мелькнула в голове ленивая, еще не тронутая тревогой мысль. — Электрики, что ли, новый прожектор тестируют? Но почему он не прикручен к стене и где тогда кабель?»

Сашка подплыл еще ближе, зависнув в толще воды и легонько работая кистями рук, чтобы удерживать равновесие. Сфера не колыхалась от потоков воды, которые он создавал движениями тела, словно обладала колоссальной массой или вообще не взаимодействовала с жидкостью. Вокруг нее не поднимались привычные пузырьки газа. Напротив, мелкие соринки, обрывки ниток от плавок и крошечные песчинки, плававшие у дна, замирали в десяти сантиметрах от ее поверхности и медленно начинали вращаться по замкнутой орбите, словно крошечные спутники вокруг неведомой планеты.

Любопытство пересилило усталость и привычную осторожность. Сашка вытянул правую руку и осторожно коснулся кончиками пальцев края странного перламутрового пятна. Никакого удара током или вибрации не последовало. Вместо этого вода вокруг кисти мгновенно стала обжигающе ледяной, а через долю секунды — непривычно, сухо теплой, словно он сунул руку в поток воздуха из тепловой пушки. Пальцы не уперлись в твердую стеклянную или металлическую поверхность; они просто прошли сквозь матовую пленку, словно ее вовсе не существовало, и исчезли из виду.

А в следующее мгновение сфера беззвучно, но с невероятной, неодолимой силой втянула его целиком, не оставив ни секунды на то, чтобы оттолкнуться ногами или закричать.

Не было ни падения в пустоту, ни головокружения, ни резкого рывка. Возникло лишь странное, ни с чем не сравнимое ощущение, будто тебя в одно мгновение вывернули наизнанку, как мокрую резиновую плавательную шапочку, и тут же вернули обратно. Воздух из легких выбило разом, грудную клетку сдавило невидимым обручем, но вместо того, чтобы рефлекторно глотнуть хлорированной воды, Сашка вдруг почувствовал, что его мокрое лицо обдувает сухой, теплый, пахнущий озоном и незнакомыми пряными травами ветер.

Он судорожно, со свистом втянул воздух, закашлялся, срывая с лица очки, и широко открыл глаза. Бассейн исчез. Исчезли синяя плитка, запах хлорки, мерное гудение фильтров и серый ноябрьский дождь за окнами.

Сашка лежал на гладких, теплых плитах цвета старой слоновой кости, покрытых тонкой, светящейся изнутри золотистой паутиной узоров. Над ним вместо побеленного потолка с люминесцентными лампами простиралось бездонное небо — глубокого, бархатистого фиалкового оттенка, по которому медленно, величественно плыли не привычные кучевые облака, а гигантские, полупрозрачные конструкции, напоминающие кружевные дирижабли или скелеты исполинских глубоководных медуз. В их ажурных недрах мерцали ровные

голубые огни, и оттуда доносился низкий, бархатистый, удивительно мелодичный гул, похожий на звучание десятка виолончелей, настроенных в унисон.

Сашка рывком вскочил на ноги, инстинктивно сгруппировавшись, готовый к прыжку в сторону или стремительному бегству. На нем были только мокрые синие спортивные плавки и резиновая шапочка, сдвинутая на затылок. На ногах — босые ступни. Холодный осенний вечер сменился мягким, обволакивающим теплом, словно в огромной оранжерее, но воздух при этом оставался свежим, легким и кристально чистым, отчего дышалось непривычно свободно.

Он медленно повернулся вокруг своей оси, пытаясь осознать масштаб происходящего. Площадка, на которой он оказался, представляла собой широкий балкон или край исполинского моста, перекинутого через бездну, заполненную густым, светящимся молочным туманом. Далеко внизу, сквозь разрывы в этой белой пелене, угадывались верхушки странных деревьев с медной, серебристой и ярко-бирюзовой листвой, а между ними струились не реки обычной воды, а широкие, плавные потоки жидкого серебристого света.

Но самое невероятное возвышалось по обе стороны моста, уходя к самому горизонту. Город. Он не походил ни на один мегаполис Земли, который Сашка видел вживую или в кино. Башни здесь не строили из бетона, кирпича и стекла — они словно вырастали из самой горной породы, закручиваясь тугими, изящными спиралями, как морские ракови-

ны наутилусов, но при этом их гладкие поверхности были испещрены сложнейшими геометрическими узорами, по которым непрерывно пробегали импульсы живого, пульсирующего света. Из стен зданий на разной высоте торчали тонкие хрустальные шпили, соединенные между собой невесомыми светящимися нитями. По этим нитям, словно капли живой ртути или челноки на невидимых рельсах, бесшумно и стремительно скользили обтекаемые капсулы без колес, крыльев и видимых двигателей.

— Сон, — хрипло, вслух сказал Сашка, и его собственный голос прозвучал непривычно звонко и чисто, словно в идеально настроенном концертном зале с безупречной акустикой. — Я просто ударился головой о бортик, когда нырял. Или потерял сознание на глубине от нехватки кислорода. Точно. Сейчас Димка вернется в зал, увидит, вытащит, откачают...

Он с силой ущипнул себя за предплечье, оставив на коже красный след. Стало по-настоящему, остро больно. Слишком реально и отчетливо для обычной галлюцинации или обморока. И этот сложный, многослойный запах — удивительный букет из корицы, свежего грозового дождя, нагретого металла и чего-то неуловимо сладкого, похожего на цветущую липу — невозможно было придумать в душной раздевалке старого спорткомплекса.

Внезапно золотистая паутина линий в плитах под его босыми ногами мигнула, плавно сменив спокойное свечение на

тревожно-янтарное. По камню пробежала легкая, щекочущая пятки вибрация. Из-за высокого резного парапета, похожего на застывшую в полете волну из полупрозрачного малахита, бесшумно вышли трое.

Сашка замер, инстинктивно прижавшись спиной к холодной, гладкой колонне, украшенной резьбой. В голове пронеслись десятки кадров из фантастических фильмов и книг, но то, что предстало перед ним сейчас, не вписывалось ни в один привычный шаблон и заставило его на секунду забыть, как дышать.

Первым шел высокий, невероятно худой силуэт, отдаленно напоминающий человека, но с пропорциями, которые нарушали все законы земной анатомии. Его руки были заметно длиннее обычных, а изящные кисти заканчивались шестью тонкими, гибкими пальцами с перламутровыми, слегка светящимися суставами. Кожа существа имела теплый оттенок старого полированного дерева, по которому вился тонкий, едва заметный узор, удивительно похожий на годовые кольца спила. Вместо волос его узкую, благородную голову венчал высокий гребень из полупрозрачных, переливающихся всеми оттенками зелени пластин, которые тихо, мелодично шелестели при каждом повороте головы, словно сухие листья на ветру. Одет он был в длинный, струящийся плащ из странной ткани, которая не сминалась при ходьбе, а плавно перетекала по фигуре, словно темная, спокойная вода.

Второе существо двигалось рядом, но не шагало по пли-

там, а плавно, без малейшего звука скользило в десяти сантиметрах над поверхностью моста. Оно напоминало невероятный симбиоз гигантского механического богомола и хрупкой фарфоровой статуэтки: изящный, членистый корпус из белого, похожего на слоновую кость материала, внутри которого сквозь полупрозрачные вставки виднелись сложные каскады вращающихся золотых шестерен и светящиеся тонкие синие жилы. Голову этому созданию заменяла идеальная многогранная призма из дымчатого кварца, закрепленная на тонкой шарнирной шее, и внутри этой призмы, словно живое сердце, пульсировал мягкий янтарный огонек.

Третьим был коренастый, невероятно широкоплечий гуманоид, чья плотная, бугристая кожа напоминала потрескавшуюся от сильного жара глину, сквозь глубокие щели в которой пробивалось тусклое, живое оранжевое сияние — словно внутри его груди тлели раскаленные древесные угли. На его широком плече, словно на каменном утесе, уютно устроилось крошечное существо размером с белку, похожее на пушистый комок ярко-синего лесного мха с четырьмя большими, любопытными, как у лемура, глазами.

Все трое остановились в пяти шагах от замершего у колонны Сашки. Существо с древесной кожей подняло правую руку и сделало плавный, сложный жест шестью пальцами. Воздух между ними задрожал, словно над раскаленным асфальтом, и в нем вспыхнули объемные голографические символы — сложные, ветвящиеся руны, похожие одновременно на

морозные узоры на стекле и на чертежи микросхем.

— Кха-ирр венн талос? — негромко произнес высокий незнакомец. Его голос звучал так, словно теплый вечерний ветер пронесся сквозь густую бамбуковую рощу.

Кварцевая призма второго существа плавно повернулась к Сашке, издавая тихий, хрустальный перезвон, похожий на звучание нескольких камертонов. Пушистый синий зверек на плече «глиняного» гиганта тоненько пискнул, прижал к голове длинные, похожие на листья папоротника уши и с любопытством уставился на подростка всеми четырьмя глазами.

Сашка судорожно сглотнул. Сердце колотилось где-то в самом горле, отдаваясь в висках, но слепой, парализующей паники не было — сказались долгие годы упорных тренировок и соревнований, когда за долю секунды до стартового свистка нужно собрать всю волю в кулак, выровнять пульс и не дать страху сковать мышцы. Он смотрел на незнакомцев и видел перед собой не кровожадных монстров из ночных кошмаров. В их позах не было ни капли агрессии или угрозы. Существо с древесной кожей смотрело на него с искренним, почти детским изумлением, а в его больших, полностью черных глазах без белков отражалось глубокое фиалковое небо и огни далеких башен.

Сашка медленно, стараясь не делать резких движений, оторвался от колонны и поднял пустые руки ладонями вперед — универсальный жест мира и безоружности, который,

как он искренне надеялся, должен быть понятен в любой точке Вселенной.

— Я... я не хочу вам навредить, — тихо, стараясь, чтобы голос не дрожал, сказал он по-русски. — Я просто плавал. Там, у себя в бассейне. И случайно провалился сюда.

При этих словах кварцевая призма на плечах механического существа вдруг вспыхнула ярким, слепящим голубым светом. По ее идеально отшлифованным граням стремительно пробежали бегущие строчки мелких светящихся символов. Раздался сухой, короткий щелчок, затем последовало тихое шипение, напоминающее настройку старого лампового радиоприемника на нужную волну, и из-под кварцевой головы прозвучал ровный, совершенно лишенный эмоций, но абсолютно чистый голос на русском языке, словно озвученный профессиональным диктором:

— Обнаружен неклассифицированный биологический субъект. Линейная звуковая речь. Синтаксис: примитивно-структурированный. Лексическая матрица загружена. Внешний переводчик активирован.

Древеснокожий гуманоид часто моргнул — у него оказалось сразу два набора век, плотные внешние и тонкие, полупрозрачные внутренние. Его пластинчатый гребень на голове радостно и мелодично затрепетал, меняя оттенок с темно-зеленого на золотистый.

— Невероятно, просто невероятно! — произнес он, и теперь Сашка отчетливо слышал его слова на родном языке,

хотя тонкие губы существа складывались совсем в другие, певучие звуки, а перевод, видимо, транслировался прямо в воздух кристаллическим спутником. — Сквозь закрытый Стык? Без защитной оболочки? Без пространственного якоря? Ты же практически обнажен, дитя! Твоя мягкая плоть ничем не защищена от фонового излучения верхних слоев!

— Я... я спортсмен, пловец, — растерянно ответил Сашка, машинально прикрывая свободной рукой голое плечо и чувствуя себя вдруг ужасно нелепо в одних плавках и резиновой шапочке посреди этого сказочного великолепия. — У нас в бассейне все так ходят, чтобы вода не мешала. Меня зовут Александр.

— А-лек-сандр, — медленно, словно пробуя непривычное слово на вкус, повторил коренастый гуманоид с тлеющей кожей. Его низкий голос напоминал мерный гул большой кузнечной печи, но в нем отчетливо звучало добродушное, спокойное тепло. — Мое имя — Горн. Нашего уважаемого друга с шелестящим гребнем зовут Вереск, он Хранитель Резонанса этого сектора. А наш молчаливый спутник с шестернями внутри — Ткач, мастер тонких материй. Скажи мне, Александр, из какого именно водоема ты выплыл? Ближайшее Море Стеклянных Вод находится в трехстах лигах отсюда, за Хребтом Поющих Ветров, и оно сейчас пребывает в фазе глубокого замерзания.

— Из самого обычного бассейна, — тяжело вздохнул Сашка, опустив руки и понимая, насколько нелепо и дико

звучит его объяснение здесь, среди парящих дирижаблей и спиральных башен. — Обычная хлорированная вода, дорожка двадцать пять метров, белая и синяя плитка. Там на самой глубине, у решетки, светился странный перламутровый шар. Я просто потрогал его пальцами, и... вот, оказался здесь.

Вереск, древеснокожий Хранитель, сделал плавный, бесшумный шаг вперед и осторожно, не касаясь кожи, провел длинными шестипалыми кистями вдоль руки Сашки, словно сканируя его невидимым прибором. В воздухе между его пальцами и предплечьем подростка проскочили крошечные, совершенно безболезненные голубые искорки, оставившие легкий запах озона.

— Аномалия Стыка, — тихо прошептал Вереск, и его пластинчатый гребень медленно опустился, плотно прижавшись к затылку, что, видимо, выражало крайнюю степень озабоченности и тревоги. — Старый пространственный узел под Нижним Ярусом снова дал течь. Мы латали его три цикла назад, но давление в межмировых потоках растет. Однако пропустить живое существо из иного слоя реальности целиком, без расщепления на исходные элементы... Это противоречит всем фундаментальным законам Континуума. Тебе невероятно повезло, Александр.

— Значит, если это просто течь, вы сможете отправить меня обратно? — с вспыхнувшей в груди надеждой спросил Сашка, делая шаг навстречу. В эту секунду он остро вспомнил о маме, которая наверняка уже начинает волноваться,

глядя на часы на кухне, о Димке, который, скорее всего, до сих пор мерзнет на остановке под холодным дождем, не понимая, куда пропал друг, и даже о завтрашней контрольной по физике, которая вдруг показалась ему самой уютной и прекрасной вещью на свете.

Вереск и Горн многозначительно переглянулись. Механический Ткач издал серию быстрых, сухих, похожих на тиканье старинных часов звуков, и в воздухе перед ними развернулась сложная, пульсирующая трехмерная карта. Она состояла из тысяч переплетающихся светящихся золотых и серебряных нитей, образующих в центре гигантский, невероятно сложный узел. В одном месте сбоку нити были разорваны и спутаны в тугой, хаотично пульсирующий багровый клубок, от которого во все стороны расходились мелкие искры.

— Стык схлопнулся сразу же за твоей спиной, Александр, как только выровнялось давление между мирами, — мягко, с искренним сочувствием сказал Вереск, кладя прохладную, похожую на гладкую, отполированную речной водой кору руку ему на плечо. Прикосновение было удивительно спокойным, надежным и внушающим доверие. — Чтобы безопасно открыть проход именно в твой мир и не забросить тебя в пустоту между реальностями, нам нужно заново настроить и стабилизировать резонанс всего Узла. На это уйдет время. Возможно, несколько полных циклов.

— Циклов? Это сколько по-нашему? Дней? Недель? —

Сашка почувствовал, как внутри все неприятно похолодело, а желудок сжался в тугой комок.

— В нашем городе время течет иначе, чем в диких пустошах или в твоем плотном мире, — гулко, но ободряюще прогудел Горн, и пушистый синий зверек на его плече одобрительно пискнул, кивнув головой. — Но не вешай нос, парень. В Этерионе не оставляют заблудившихся путников на краю бездны. Особенно тех, кто обладает достаточной смелостью, чтобы плавать в неизвестности без страховки.

Вереск тепло улыбнулся — его губы растянулись в странной, непривычной для человеческого глаза, но удивительно доброй гримасе, открывая ровный ряд мелких, переливающихся, как речной жемчуг, зубов.

— Пойдем с нами в Верхние Галереи, Александр. Прежде чем мы соберем совет мастеров и начнем искать путь к твоему дому, тебе срочно нужна нормальная одежда, которая не растворится под первым же звездным дождем, и настоящая еда, от которой у тебя не вырастут лишние жабры. Хотя, судя по твоим рассказам о воде, в некоторых районах нашего города они бы тебе очень пригодились.

Сашка поднял голову и еще раз посмотрел на бескрайнее фиалковое небо, по которому, мерно гудя, плыл очередной кружевной корабль-медуза, затем перевел взгляд на свои синие плавки, которые уже почти полностью высохли в странном, пряном воздухе чужого мира. Обратного пути прямо сейчас не существовало. А значит, нужно было делать един-

ственное, чему его упорно учили с шести лет в бассейне: не тратить силы на бессмысленную панику, держать ровное дыхание и уверенно грести вперед, даже если впереди пока не видно противоположного бортика.

— Хорошо, я согласен, — твердо сказал он, расправляя широкие плечи и стараясь улыбнуться в ответ. — Только предупреждаю сразу: я жутко голодный после двухчасовой тренировки. Очень надеюсь, что у вас тут кормят не только золотыми шестеренками и электричеством.

Горн раскатисто расхохотался — звук был похож на веселое перекатывание крупных камней в быстрой горной реке, — а механический Ткач с тихим хрустальным звоном наклонил свою кварцевую голову набок, словно всерьез пытаясь проанализировать смысл человеческой шутки. Так парень из обычного районного бассейна сделал свой первый, еще неуверенный шаг в удивительный город, где древняя магия и тонкие механизмы сплелись в единый живой узор.

Глава 2

Глава 2. Улицы жидкого света

Широкий мост, на котором Александр впервые коснулся ногами чужой земли, постепенно переходил в оживленную, многоярусную площадь. Чем дальше они отходили от края бездны, тем плотнее становился воздух, наполняясь десятками новых, непривычных звуков. Здесь не было привычного уличного гула двигателей, визга тормозов или раздражающих автомобильных гудков.

Вместо этого город звучал как огромный, слаженный оркестр: где-то высоко вверху мелодично перезванивались хрустальные колокольчики на шпилях, из-под ног доносилось тихое, ровное жужжание энергетических жил, вплетенных в каменные плиты, а со стороны торговых рядов ветер доносил мягкий гомон множества голосов, в котором переплетались свист, щелчки, глубокое гудение и серебристый перезвон.Сашка шел между Вереском и Горном, стараясь не глазеть по сторонам с открытым ртом, хотя делать это было невероятно трудно.

Ему казалось, что он попал внутрь гигантской шкатулки с драгоценностями, которую кто-то оживил при помощи тончайших часовых пружин и солнечных зайчиков. Босые ступни больше не мерзли — гладкий камень под ногами хранил приятное, живое тепло, словно нагретый за день морской пе-

сок.

— Не отставай, парень, и старайся не наступать на синие прожилки в мостовой, — добродушно предупредил Горн, указывая массивным, похожим на обожженную терракоту пальцем под ноги.

— Они ведут к распределительным узлам. Если наступишь случайно — ничего страшного не случится, только пятки пощекочет, как от легкого разряда, но местные ремесленники потом будут ворчать, что у них в мастерских свет мигнул.Сашка немедленно отдернул ногу от тонкой лазурной линии, змеившейся между плитами, и шагнул на нейтральный серый камень. Пушистый зверек на плече Горна тихо фыркнул, прикрыв мордочку пушистым хвостом, словно смеясь над его осторожностью.

— Это мой спутник, Шурш, — заметил взгляд подростка Горн и ласково почесал синий комок за длинным ухом.

— Он из рода мховых прыгунов. Зверьки эти на редкость умные, хоть и не говорят. Зато Шурш за версту чует любую фальшь или скрытую опасность.

Раз он не распушил загривок при виде тебя, значит, душа у тебя светлая и намерения чистые. В нашем городе это ценится выше любых грамот и печатей.

— Спасибо, — улыбнулся Сашка, осторожно протягивая палец. Шурш принюхался, шевеля розовым носом, и легонько ткнулся мокрым, прохладным носом в костяшку пальца, после чего удовлетворенно пискнул.Механический Ткач

скользил чуть позади, бесшумно поворачивая свою многогранную кварцевую голову из стороны в сторону. Внутри его прозрачного корпуса непрерывно вращались миниатюрные золотые шестеренки, а синие нити, заменявшие ему нервную систему, переливались ровным, спокойным светом.

Казалось, он непрерывно записывает и анализирует каждое движение нового знакомого.

— Скажите, а все жители Этериона такие... разные? — спросил Сашка, оглядывая толпу, которая становилась все гуще по мере приближения к центральным аркам.Навстречу им проплыла грациозная фигура, напоминающая женщину, сотканную из полупрозрачного дымчатого стекла, внутри которого медленно перетекали золотые и алые капли, словно в лавовой лампе.

Следом за ней, бойко перебирая шестью короткими ножками, просеменило существо, похожее на большого, закованного в перламутровый панцирь краба, который вез на спине целую пирамиду плетеных корзин с фруктами, светящимися изнутри мягким зеленоватым светом. А у фонтана, из которого вместо воды вверх били струи мелкой, переливающейся всеми цветами радуги пыли, о чем-то оживленно спорили двое высоких существ с головами, напоминающими раскрытые бутоны серебристых лилий.

— Этерион — город на перекрестке течений, Александр, — ответил Вереск, мягко придерживая струящийся плащ, чтобы не задеть проходящего мимо малыша-краба.

— Мы называем его Узлом Тысячи Троп. Сюда веками приходили те, чьи миры менялись, угасали или просто становились слишком тесными для искателей знаний. Здесь живут потомки народа Древа, к которому принадлежу я, дети Подземного Пламени, как наш друг Горн, Стеклянные Странники, Хранители Механизмов и многие другие.

Мы научились жить в согласии, потому что наш город держится на общем равновесии. Стоит нарушить гармонию в одном квартале — и дрожь пройдет по всем башням.Они свернули с главной площади в узкий, уютный переулок, уходящий вверх по спиральному пандусу. Стены зданий здесь были увиты странным плющом с серебристыми листьями, среди которых вместо цветов висели маленькие, размером с грецкий орех, фонарики, наполненные живыми светлячками.

Над одной из дверей висела вывеска без единой буквы — просто искусно вырезанный из темного дерева манекен, вокруг которого вились серебряные нити.

— Вот мы и на месте, — сказал Вереск, толкая тяжелую резную дверь, которая открылась абсолютно бесшумно, выпустив наружу густой аромат сухих трав, свежей шерсти и чего-то неуловимо напоминающего запах грозы.

— Лавка старого Мастера Шелков. Если кто-то и сможет подобрать одежду для существа из плотного мира без единой мерки, так это только он.Внутри помещение напоминало одновременно мастерскую портного, алхимическую лабора-

торию и библиотеку. Вдоль высоких стен до самого потолка тянулись стеллажи с рулонами самых невероятных тканей: одни переливались, как чешуя глубоководных рыб, другие казались сотканными из утреннего тумана, третьи поблескивали, словно тончайшая медная фольга.

В центре зала за широким столом, заваленным катушками светящихся ниток и странными инструментами, похожими на серебряные циркули, сидел хозяин лавки.При виде гостей он поднял голову. Это был невысокий, сухонький старичок, напоминающий кузнечика в круглых очках с толстыми линзами. У него было четыре руки: верхняя пара сжимала тонкую, длинную иглу, которой он с невероятной скоростью сшивал два лоскута переливающейся материи, а нижняя в это же время аккуратно перебирала бусины в деревянной шкатулке.

— Вереск? Горн? И Ткач с вами?

— проскрипел портной голосом, похожим на треск сухого валежника, поправляя очки одной из нижних рук.

— Какими ветрами вас занесло в мой тихий угол в час вечернего прилива? А это еще кто с вами? Никак, новый ученик из Верхних Садов?

Хотя нет...Старик прищурился, наклонился вперед через стол и вдруг изумленно присвистнул, отчего его длинные, тонкие усы задрожали.

— Святые Шестерни! Да он же совсем без эфирной оболочки! Плотный, как речной булыжник!

Откуда вы его выловили, почтенные?

— Прямо из-под Старого Узла, Мастер, — спокойно ответил Вереск, слегка склонив голову в знак уважения.

— Произошел случайный прорыв. Юношу зовут Александр, он гость из-за грани, и ему нужна одежда. Прочная, легкая, способная защитить от звездной пыли и перепадов фона, но при этом не стесняющая движений.

Он у нас, как выяснилось, мастер водных просторов.

— Из-за грани? Воистину, чудеса не перестают случаться на старости лет!

— Мастер мгновенно оживился. Он ловко спрыгнул с высокого табурета и закружил вокруг Сашки с удивительной для его возраста проворностью, одновременно орудуя всеми четырьмя руками. Одной он прикладывал к плечу подростка прозрачную ленту с делениями, второй делал пометки в воздухе светящимся стилусом, третьей перебирал образцы ткани, а четвертой поглаживал подбородок.

— Плечи широкие, спина крепкая, сразу видно — привык работать против течения! Обычный шелк облаков тут не годится, порвет при первом же резком взмахе. Нужно взять волокно каменного льна, переплести его с нитями грозового кокона и добавить немного пыльцы лунного мха для мягкости.Не прошло и пяти минут, как Мастер исчез за ширмой, откуда сразу же донеслись быстрое жужжание, тихий перезвон и легкое шипение пара.

Сашка стоял посреди лавки, чувствуя себя немного нелов-

ко под пристальным взглядом стеклянных банок с разноцветными порошками, но теплое отношение новых знакомых постепенно растапливало напряжение.

— А как я буду расплачиваться? — вдруг спохватился он, глядя на Вереска.

— У меня ведь с собой вообще ничего нет. Даже карманов в плавках не предусмотрено.

— Не тревожься об этом, Александр, — мягко улыбнулся Хранитель Резонанса.

— В Этерионе гости не платят за кров, одежду и первую трапезу. Это древний закон города. К тому же, для Мастера Шелков работа с материей из другого мира — редчайшая удача.

Видишь, как он воодушевлен? Он сам готов приплатить нам за возможность снять мерки с настоящего жителя плотной реальности.Словно в подтверждение этих слов, ширма раздвинулась, и портной торжественно вынес на вытянутых верхних руках стопку сложенной одежды, придерживая снизу пару странных сапог.

— Примеряй, юноша! — с гордостью объявил старик.

— Сшито на славу, ни один шторм не возьмет!Сашка зашел за ширму и быстро оделся. Ткань оказалась удивительной: на вид она напоминала плотный, благородный темно-синий лен с едва заметным серебристым отливом, но на ощупь была невесомой, прохладной и абсолютно не стесняла движений. Рубаха свободного покроя без пуговиц сама мяг-

ко облегла грудь и плечи, стоило только запахуть ее полы, а брюки легли точно по ноге.

Сапоги из мягкой, пористой материи, напоминающей замшу, оказались настолько легкими, что Сашка едва чувствовал их на ступнях, но подошва уверенно пружинила при каждом шаге.Когда он вышел из-за ширмы, Горн одобрительно хмыкнул и хлопнул себя ладонью по колену.

— Ну вот, совсем другое дело! Теперь хоть на Совет Мастеров, хоть в экспедицию к Стеклянным Водам. Выглядишь как настоящий житель Этериона, парень.

Только волосы твои выдают — больно уж непривычно лежат, без единой искры.

— Зато теперь я не замерзну и не чувствую себя белой вороной, — искренне поблагодарил Сашка, низко поклонившись портному.

— Огромное вам спасибо, Мастер. Очень удобно, правда, как вторая кожа.Старик довольно закивал, отчего его очки едва не съехали на кончик носа, и махнул двумя руками:— Носи на здоровье, гость из-за грани! А если порвешь где — приноси, залатаю так, что и следа не останется!Попрощавшись с гостеприимным портным, они вышли обратно на спиральную улицу и поднялись еще на два яруса выше.

Небо над головой к этому времени изменило оттенок с глубокого фиалкового на бархатисто-индиговый, и в нем зажглись первые звезды — необычно крупные, разноцветные, словно россыпь драгоценных камней на темном сукне. Ули-

цы залил мягкий, уютный свет фонарей, внутри которых парили светящиеся кристаллы.

— А теперь, как и обещали, — в харчевню «Три Котла», — объявил Горн, потирая свои широкие, потрескавшиеся ладони, между пальцами которых при этом проскочили крошечные оранжевые искорки.

— Я и сам после смены в кузнице проголодался так, что готов сгрызть медный слиток, а уж наш пловец, поди, совсем из сил выбился.Харчевня располагалась на просторной открытой террасе, нависающей прямо над главным каналом города — тем самым, по которому внизу струился поток жидкого серебристого света. За низкими круглыми столами из темного, отполированного до блеска камня сидели самые разные обитатели Этериона.

Воздух здесь был густым и невероятно аппетитным: пахло печеными корнеплодами, пряными травами, жареными орехами и чем-то неуловимо напоминающим свежую выпечку с корицей и медом.Едва они заняли свободный столик у самого края террасы, к ним бесшумно подплыл округлый медный поднос на трех тонких изогнутых ножках, увенчанный маленьким вращающимся пропеллером сверху.

Ткач издал короткий мелодичный звон, передавая заказ, и через пару минут перед Сашкой опустились глубокая глиняная миска с густым, дымящимся варевом золотистого цвета, лепешка, посыпанная крупными голубыми кристаллами соли, и высокий кубок с прозрачным напитком, в котором мед-

ленно поднимались вверх крошечные рубиновые пузырьки.

— Ешь смело, Александр, — ободрил его Вереск, который сам ограничился лишь небольшой чашей с прозрачным отваром из светящихся листьев.

— Это похлебка из солнечного батата и речных грибов. В ней нет ничего чуждого твоей природе, она быстро восстановит силы. А напиток — это сок звездной ягоды.

Он отлично утоляет жажду и помогает телу быстрее привыкнуть к нашему воздуху.Сашка взял деревянную ложку с длинной резной ручкой и осторожно попробовал варево. Вкус оказался потрясающим: насыщенным, нежным, с легкой ореховой ноткой и приятным согревающим послевкусием. Голод после двухчасовой тренировки в бассейне и пережитого потрясения навалился с новой силой, и подросток принялся за еду с таким аппетитом, что Горн только усмехался в бороду, подкладывая ему свежие лепешки.

Запив ужин шипучим рубиновым соком, который на вкус напоминал смесь лесной земляники, граната и легкого мятного холодка, Сашка наконец почувствовал, как напряжение последних часов отпускает. Мышцы расслабились, в голове прояснилось, и он впервые за весь вечер смог спокойно оглядеться.Прямо под краем террасы, метрах в десяти ниже, медленно текла та самая серебристая река, которую он видел с моста. Только вблизи стало понятно, что это не огонь и не расплавленный металл.

По широкому каменному руслу струилась странная, плот-

ная, невероятно прозрачная жидкость, светившаяся изнутри мягким лунным сиянием. По ее поверхности без всякого ветра бежали плавные, тяжелые волны, а в глубине то и дело мелькали тени каких-то крупных, грациозных существ с длинными лентовидными плавниками.

— Что это за река? — спросил Сашка, с интересом перегнувшись через резной каменный парапет.

— Она выглядит как вода, но светится и течет как-то... тяжело, что ли. Как ртуть или густое масло.

— Это Эфирный Поток, — серьезно ответил Вереск, глядя вниз на серебристую гладь.

— Главная артерия нашего города. Он берет начало у Великого Источника в сердце гор и питает энергией все башни, мастерские и светильники Этериона. Но с ним нужно быть крайне осторожным.

Плотность этой жидкости втрое выше, чем у обычной воды, а течение на глубине коварно и непредсказуемо. Плавать в нем не рискуют даже наши лучшие ныряльщики — без тяжелого свинцового балласта тебя просто вытолкнет на поверхность и закрутит в водоворотах у шлюзов.Сашка завороженно смотрел на светящуюся воду.

Инстинкт пловца сразу проснулся в нем: он невольно начал прикидывать скорость течения, длину волны и то, как поведет себя тело, если войти в эту странную, плотную стихию.Именно в эту секунду тишину уютного вечера разорвал резкий, пронзительный крик, донесшийся откуда-то слева,

со стороны нижнего причала.Все за соседними столиками мгновенно замерли. Шурш на плече Горна вскочил на задние лапы, его синяя шерсть встала дыбом, а из горла вырвался тревожный, вибрирующий свист. Механический Ткач резко повернул кварцевую призму в сторону крика, и внутри нее вспыхнул тревожный алый индикатор.Сашка вскочил на ноги и перегнулся через парапет.

В тридцати метрах ниже по течению, у каменных ступеней грузовой пристани, в серебристой воде отчаянно барахталось крошечное существо. Это был совсем маленький детеныш из народа Древа — не старше пяти или шести лет, с тонким, еще не окрепшим гребнем на голове.

Видимо, он заигрался на краю пирса, поскользнулся на влажных ступенях и сорвался в поток.Течение здесь было быстрым, и высокая плотность жидкости играла с малышом злую шутку: он не тонул в привычном смысле слова, но тяжелые, вязкие волны сбивали его с толку, переворачивали, не давая ухватиться за гладкий камень набережной, и стремительно несли прямо к огромным решеткам водозаборного шлюза, где вода с глухим, грозным ревом уходила в подземные турбины.

— Стража! Вызывайте лодку с баграми! — закричал кто-то на набережной, но вокруг не было ни одного судна.

На берегу металась высокая, тонкая женщина с древесной кожей, в отчаянии протягивая руки к воде, но прыгать вниз никто не решался: для легких, хрупких жителей Верхнего

Яруса попасть в стремительный Эфирный Поток без снаряжения означало верную гибель.

— Лодка не успеет! До шлюза меньше сотни шагов! — глухо прорычал Горн, срываясь с места и тяжелым топотом устремляясь к лестнице, ведущей на набережную, хотя было очевидно, что даже его могучей силы не хватит, чтобы перебить течение с берега.Сашка не стал раздумывать ни секунды.

В такие моменты в голове спортсмена отключаются страх, сомнения и логические расчеты — остается только чистый, отточенный годами рефлекс: сигнал, толчок, вход в воду.Он одним слитным движением скинул новые легкие сапоги, рванул с плеч рубаху, оставшись в одних штанах, вскочил на широкий каменный парапет террасы и, прикинув траекторию, ласточкой ушел вниз, в десятиметровую пустоту над светящейся рекой.Ветер свистнул в ушах. Снизу стремительно приближалась слепящая серебристая гладь.

Сашка вытянул руки вперед, плотно прижал голову к плечам, вытянулся в идеальную, жесткую струну, как учили на тренировках при прыжках со стартовой тумбы, и почти без брызг вошел в поток.Ощущение было таким, словно он нырнул не в воду, а в густой, теплый, слегка пружинящий кисель, заряженный статическим электричеством. Жидкость мгновенно обхватила его со всех сторон, мягко затормозив падение и тут же с огромной силой вытолкнув обратно на поверхность. По телу пробежала легкая, бодрящая дрожь, словно от

тысячи крошечных иголочек, но дышать было легко, а глаза не щипало, как от хлорки.Сашка вынырнул, встряхнул головой и сразу увидел цель.

В пятнадцати метрах впереди, закручиваясь в воронке перед темным зевом шлюза, мелькал зеленоватый гребень малыша. Ребенок уже нахлебался густой жидкости, почти не двигался и только слабо скреб пальцами по скользкой воде.«Слишком плотная среда, — мгновенно оценил ситуацию мозг пловца.

— Обычным кролем тут не выгрести, руки будут вязнуть, как в патоке. Нужен мощный брасс — широкие, глубокие гребки и жесткий толчок ногами, чтобы отталкиваться от самой плотности потока!»Сашка набрал полную грудь воздуха, опустил лицо в светящуюся воду и пошел на сближение. Его техника оказалась идеальной для этой странной стихии.

Там, где местные жители беспомощно барахтались, теряя опору, Сашка использовал невероятную плотность Эфирного Потока себе на пользу. Каждый развод его тренированных рук опирался на вязкую жидкость, как на твердую опору, а мощный, хлесткий толчок ногами выбрасывал тело вперед на два-три метра за один цикл. Он шел по реке, как торпеда, разрезая серебристые волны и оставляя за собой длинный шлейф искрящихся пузырьков.Оставалось пять метров до решетки шлюза.

Гул падающей в турбины воды оглушал, вибрация передавалась прямо в грудную клетку, а течение тянуло вниз с

чудовищной силой. В последний момент, когда до железных прутьев оставалось не больше вытянутой руки, Сашка сделал финальный рывок, подхватил обмякшего малыша левой рукой под грудь, прижал к себе и с силой уперся ногами в каменный уступ перед самой решеткой.Поток с ревом ударил в спину, пытаясь оторвать его от камня и затянуть в щели водозабора, но мышцы, закаленные тысячами километров в бассейне, выдержали.

Перехватывая ребенка одной рукой, Сашка свободной правой рукой ухватился за выступающую скобу на стене шлюза и, подтянувшись на одних руках, вытолкнул малыша на каменный парапет набережной, куда в эту же секунду подбежали запыхавшийся Горн и бледная от ужаса мать ребенка.Через мгновение сильные, горячие руки кузнеца подхватили самого Сашку под мышки и легко вытащили на сухие плиты.Набережная вокруг мгновенно заполнилась жителями. Кто-то уже приводил в чувство закашлявшегося, но живого и невредимого малыша, которого мать прижимала к груди, беззвучно плача и шелестя гребнем.

Вокруг Сашки собралось плотное кольцо самых невероятных существ: стеклянные странники, мастера с шестеренками, люди-деревья. Все смотрели на мокрого, тяжело дышащего подростка с тем молчаливым, глубоким благоговением, с каким смотрят на тех, кто совершил невозможное.Сверху, с террасы харчевни, бесшумно спустился Вереск, неся в руках сброшенную Сашкой рубаху и сапоги. Хранитель Резо-

нанса остановился напротив подростка, внимательно глядя в его глаза, и медленно, торжественно приложил правую шестипалую ладонь к центру своей груди.

— Я прожил в Этерионе три сотни циклов, Александр, — тихо, но так, что слышали все вокруг, произнес Вереск.

— Я видел великих магов и гениальных механиков. Но я впервые вижу человека, который смог обуздать Эфирный Поток голыми руками. Похоже, старый Узел привел тебя в наш город вовсе не по случайности.

Глава 3

Глава 3. Сердце Хрустальной Спирали

Новость о подростке из плотного мира, который без единого заклинания и защитного костюма покорил стремительный Эфирный Поток, разлетелась по Верхним Галереям быстрее, чем гонцы на световых капсулах. Пока Сашка натягивал сухую рубаху — удивительная ткань от Мастера Шелков даже не намокла, с нее просто скатились последние серебристые капли, словно с утиного пера, — толпа на набережной не расходилась. Существа перешептывались на десятках наречий, с почтением склоняя головы, а мать спасенного малыша, прежде чем унести сына домой, коснулась тремя тонкими пальцами Сашкиного лба, оставив после себя легкий аромат цветущего миндаля и ощущение теплого покоя.

— Пойдем, Александр, — негромко сказал Вереск, кладя руку на плечо подростка. Пластинчатый гребень Хранителя Резонанса сейчас переливался ровным, глубоким изумрудным светом. — Боюсь, наш спокойный вечер подошел к концу. Ткач уже передал сигнал в Башню Равновесия. Совет Мастеров желает видеть тебя немедленно.

— Совет? — Сашка нахмурился, застегивая ремешки на легких сапогах. — Я же ничего не нарушил. Наоборот, помог ведь.

— Ты совершил то, что по нашим законам считается невозможным, — прогудел подошедший Горн, на плече которого пушистый Шурш уже умывался лапками, словно ничего особенного и не произошло. — В Этерионе каждый знает свое место. Люди Древа слышат музыку потоков, кузнецы Пламени плавят живой металл, Ткачи плетут нити пространства. Но никто не может войти в сырой Эфирный Поток без балласта и не потерять рассудок от его плотности. А ты проплыл в нем так, словно всю жизнь провел в наших каналах. Мастера захотят понять, кто ты — случайный гость или тот, о ком предупреждали древние хроники Стыка.

Они поднялись к ближайшей транспортной площадке, парящей на тонких хрустальных опорах прямо над серебристой рекой. Вереск приложил ладонь к гладкой стеле из голубого кварца, и с ближайшей световой нити бесшумно скользнула вниз обтекаемая капсула, напоминающая большую каплю застывшего янтаря. Створки разъехались без малейшего скрипа. Внутри не было ни руля, ни педалей, ни приборной панели — только четыре мягких кресла, которые сами приняли форму тел сидящих, едва пассажиры опустились в них.

Капсула мягко тронулась с места и начала стремительно набирать высоту, скользя вдоль светящейся нити под углом почти в сорок пять градусов. У Сашки на секунду захватило дух, но перегрузки не чувствовалось — внутри кабины царила идеальная, неподвижная тишина. Через прозрачные стены открывался захватывающий вид на ночной Этерион.

Город разворачивался внизу как гигантская трехмерная мандала, сотканная из золотых, лазурных и изумрудных огней. Спиральные башни уходили далеко в фиалковое небо, соединенные десятками ажурных мостов и световых магистралей, по которым в разных направлениях сновали такие же янтарные капли.

Но чем выше поднималась капсула, приближаясь к самой высокой центральной башне — Хрустальной Спирали, — тем отчетливее Сашка замечал странную деталь. На самой окраине города, там, где светящиеся каналы уходили в темные ущелья гор, привычное золотистое сияние башен казалось тусклым, словно подернутым серой пеленой. А в одном месте, у дальнего края каменного кольца, огни и вовсе погасли, оставив черную, рваную проплешину на сверкающем теле мегаполиса.

— Что там, на окраине? — спросил Сашка, указывая пальцем на темный сектор. — Там тоже живут люди?

Вереск посмотрел в ту сторону, и его черные глаза без белков сразу потемнели, утратив теплый отблеск огней.

— Это Забытые Сектора, Александр, — тихо ответил Хранитель. — Когда-то там кипела жизнь, работали лучшие мастерские по огранке эфирных кристаллов. Но полгода назад — если считать по меркам твоего мира — потоки энергии начали слабеть. Словно кто-то или что-то на самом дне каналов перекрывает русло. Эфир густеет, превращаясь в мертвый, холодный шлак, а башни без подпитки погружают-

ся в сон. Именно из-за этого перепада давления старый Узел под Нижним Ярусом и дал трещину, через которую тебя затянуло сюда.

— Вы не можете просто прочистить каналы? — удивился Сашка. — У нас в городе, если труба забивается, туда спускают водолазов или запускают роботов.

— В том-то и беда, парень, — мрачно усмехнулся Горн, скрестив на груди могучие руки, в трещинах которых тревожно замигали багровые искорки. — Наши механизмы в нижних коллекторах сходят с ума от избытка сырого эфира, а живые существа не выдерживают давления на глубине. Там, внизу, под самым основанием города, проходит Великий Сток. И с недавних пор оттуда веет таким холодом, какого Этерион не знал со времен Великого Разлома.

Капсула плавно замедлила ход и замерла у широкой круглой платформы на самой вершине Хрустальной Спирали. Звезды здесь казались настолько близкими, что, казалось, стоит протянуть руку — и пальцы коснутся их холодного, мерцающего света. Воздух на высоте был разреженным, свежим и пах озоном, как после сильной летней грозы.

Их уже ждали. Высокие створчатые двери из матового серебра бесшумно распахнулись, открывая вход в огромный круглый зал без крыши — вместо потолка над головой простиралось бескрайнее ночное небо, удерживаемое от ветра невидимым силовым куполом. В центре зала находился глубокий круглый бассейн, наполненный не водой, а плотным,

медленно вращающимся звездным туманом, в котором плавали крошечные светящиеся модели всех башен и каналов города.

Вокруг этого живого макета полукругом стояли пятеро.

Сашка сразу узнал представителей уже знакомых ему народов: здесь был высокий старейшина из народа Древа с седым, почти белым гребнем; массивный кузнец Пламени в тяжелом фартуке из чешуйчатого металла; и сложный механизм, похожий на Ткача, но выполненный из темного обсидиана и платины. Рядом с ними парил в воздухе полупрозрачный Стеклянный Странник, внутри которого медленно переливались золотые нити.

Но внимание Сашки мгновенно приковала пятая фигура, стоявшая чуть в стороне у края звездного бассейна.

Это была девушка. На вид ей было столько же, сколько и самому Сашке — шестнадцать, может быть, семнадцать лет. В отличие от остальных членов Совета, она выглядела почти как обычный человек, если не считать едва заметного, тонкого серебристого узора, который вился по ее скулам и исчезал под воротом строгого темно-синего платья, расшитого звездными рунами. Длинные, цвета спелой пшеницы волосы были собраны в сложную прическу, скрепленную тонкими хрустальными шпильками. Но больше всего поражали ее глаза — огромные, ясные, невероятного, глубокого васильково-голубого цвета, в которых отражался свет звездного тумана из бассейна. В этих глазах не было ни старческой уста-

лости, ни холодной отстраненности магов — только живой, острый ум, легкая тревога и искреннее, неподдельное любопытство.

— Вереск, Горн, Ткач, — произнес седогребневый старейшина из народа Древа. Его голос эхом разнесся под невидимым куполом, звуча мягко, но властно. — Ткач передал нам запись произошедшего у нижнего шлюза. Признаться, мы с трудом поверили глазам. Покажите нам гостя из плотного мира.

Вереск сделал шаг в сторону, пропуская Сашку вперед. Подросток почувствовал на себе взгляды всех пятерых. Он старался держаться прямо, не сутулиться и не прятать руки в карманы, хотя под пристальным изучением древних обитателей этого мира чувствовал себя немного не в своей тарелке.

— Меня зовут Александр, — твердо сказал он, слегка кивнув в знак приветствия. — Я не хотел нарушать ваши правила. Просто увидел, что ребенок тонет, и прыгнул. У нас так принято.

Седогребневый старейшина медленно кивнул, а Стеклянный Странник издал мелодичный звон, похожий на перебор арфы.

— Благородный поступок не нуждается в оправданиях, юноша, — ответил старейшина. — Я — Архонт Селен, глава Совета Равновесия. А это мои коллеги: Мастер Игнис, Архитектор Нуль, Хранительница Эхо и... моя внучка, Лира,

младший картограф Эфирных Потоков.

Голубоглазая девушка слегка наклонила голову и улыбнулась — открыто, тепло, отчего серебристый узор на ее скулах едва заметно вспыхнул мягким светом. Сашка почувствовал, как в груди вдруг стало непривычно тепло, а напряжение от строгого приема сразу растаяло. Он улыбнулся ей в ответ, и на секунду ему показалось, что они понимают друг друга без всяких механических переводчиков.

— Лира, — обратился к девушке Архонт Селен. — Ты вела наблюдение за нижними коллекторами последние три цикла. Скажи Совету, что показали твои приборы, когда Александр вошел в поток?

Девушка шагнула к краю звездного бассейна и провела тонкой рукой над туманной поверхностью. В воздухе тут же вспыхнула объемная диаграмма — волнистые линии, переплетающиеся в сложные узлы.

— Когда Александр погрузился в Эфирный Поток, фон вокруг него не возмутился, как это обычно бывает при контакте с плотной материей, — звонким, чистым голосом начала объяснять Лира, бросив быстрый взгляд на Сашку. — Напротив, поток словно... узнал его. Плотность жидкости вокруг его тела снизилась ровно настолько, чтобы он мог отталкиваться от нее, но при этом не терял плавучести. Его биоритм и частота дыхания вошли в идеальный резонанс с пульсацией канала. Я видела подобное только в древних схемах Первых Строителей, которые создавали этот город.

В зале повисла тяжелая, напряженная тишина. Даже шестеренки в груди обсидианового Архитектора Нуля, казалось, замедлили свой бег.

— Первые Строители ушли за грань тысячи циклов назад, Лира, — глухо произнес Мастер Игнис, глядя на Сашку из-под густых, искрящихся бровей. — И у них не было плотных тел из воды и углерода.

— Но у них были Навигаторы, — возразила девушка, и в ее голубых глазах вспыхнул упрямый огонек. — Те, кто умел чувствовать течения без приборов и проводить корабли сквозь самые глубокие слои Эфира. Посмотрите на карту Забытых Секторов, дедушка!

Она снова взмахнула рукой, и модель города в бассейне повернулась, приближая ту самую темную, погасшую окраину, которую Сашка заметил из окна капсулы. Теперь, вблизи, стало видно, что черная пелена над Забытыми Секторами не неподвижна — она медленно, почти незаметно пульсирует, словно гигантская темная плесень, постепенно расползающаяся по светящимся жилам города к центру.

— Это не просто засор в трубах, — тихо сказала Лира, и ее голос дрогнул от скрытой тревоги. — Три часа назад мои зонды в Нижнем Коллекторе зафиксировали искусственное вмешательство. Кто-то намеренно ставит глушители на магистральных шлюзах, отводя чистый эфир в заброшенные шахты под городом. Если они перекроют Главный Узел, Этерион потеряет энергию через пять полных циклов. Купол над

Верхними Галереями погаснет, воздушные мосты рухнут, а весь город провалится в бездну тумана.

— Кто способен на такое? — нахмурился Вереск, шагнув ближе к бассейну. — В Этерионе нет войн и врагов уже много веков.

— Те, кому тесно в рамках Равновесия, — ответил обсидиановый Архитектор Нуль. Его голос звучал как скрежет камня о камень. — Секта Пепельных. Мы думали, что изгнали их в Пустоши после последнего бунта, но, похоже, они нашли способ вернуться через нижние шахты. Они хотят выкачать весь эфир города, чтобы открыть собственный, неуправляемый разлом в другие миры и захватить их силой.

Сашка слушал этот разговор, и внутри у него все переворачивалось. Он смотрел на светящийся макет прекрасного, удивительного города, на доброго великана Горна, на мудрого Вереска, на эту хрупкую голубоглазую девушку, которая с такой болью смотрела на темнеющие башни своего дома. А затем вспомнил о своей главной цели.

— Постойте, — осторожно вмешался он, поднимая руку. — А мой проход? Тот узел, через который я сюда попал... Он связан с этим?

Архонт Селен тяжело вздохнул и перевел на подростка усталый, полный искреннего сожаления взгляд.

— Боюсь, что да, Александр. Тот самый узел, что выбросил тебя в Этерион, питается от ветки, идущей как раз через Забытые Сектора. Пока глушители перекрывают поток, у нас

не хватит энергии, чтобы безопасно стабилизировать разлом и вернуть тебя домой. Если мы попытаемся открыть портал сейчас, тебя просто разорвет между слоями реальности.

В груди у Сашки похолодело. Слова старейшины прозвучали как приговор. Несколько циклов превратились в полную неизвестность. Мама, дом, школа, бассейн — все это вдруг отодвинулось куда-то за непроницаемую стену, до которой невозможно дотянуться, пока в этом мире не восстановится порядок.

— Значит, чтобы вернуться домой, мне нужно, чтобы ваши каналы снова заработали, — медленно произнес Сашка, сжимая кулаки. В его голосе не было жалости к себе — только та самая спортивная злость и упрямство, которые помогали ему вырывать победу на последних метрах дистанции, когда мышцы уже горели огнем. — И вы сказали, что ваши ныряльщики не могут спуститься в Нижний Коллектор из-за давления и плотности потока. А я... я ведь смог.

Лира резко повернула голову к нему, ее голубые глаза широко распахнулись.

— Ты хочешь спуститься в Коллектор? — прошептала она. — Александр, там полная темнота, ледяные вихри и глушители Пепельных, которые наверняка охраняются. Ты даже не знаешь устройства наших шлюзов!

— Зато я умею плавать там, где другие тонут, — твердо ответил Сашка, глядя ей прямо в глаза. — И у меня есть отличные глаза, крепкие легкие и желание вернуться к маме. А

насчет устройства шлюзов... Ты ведь картограф, Лира? Наверняка у тебя есть подробная карта каждого поворота под землей.

Девушка замерла, глядя на него с удивительной смесью восхищения и испуга. Серебристые узоры на ее щеках задрожали, словно от легкого ветра.

— Карта у меня есть, — тихо сказала она, сделав шаг ближе. — Более того, я сама разрабатывала систему маяков для Нижнего Коллектора. Если ты пойдешь туда, я смогу вести тебя по звуковому каналу или... или пойти с тобой до первого сухого шлюза.

— И речи быть не может! — строго отрезал Архонт Селен, стукнув ладонью по краю бассейна. — Это слишком опасно для вас обоих. Советом будет собран отряд стражей в тяжелых скафандрах...

— Ваши тяжелые скафандры застрянут в узких переливах Третьего Яруса, дедушка, и ты сам это знаешь! — горячо возразила Лира, повернувшись к старейшине. — Пока стражи будут пробивать переборки, Пепельные успеют выкачать половину резервуара! Александр — единственный, кто может пройти туда тихо, быстро и без громоздкой техники.

Горн одобрительно крякнул и положил свою тяжелую, теплую руку на плечо Сашки.

— Девчонка дело говорит, Архонт. У парня сердце льва и тело, созданное для воды. А если нужно прикрыть спину на сухих участках — я пойду с ними. Мои молоты давно не

пробовали на прочность броню Пепельных.

— И я, — звонко щелкнул Ткач, повернув кварцевую призму к Совету. — Мои сенсоры способны нейтрализовать энергетические ловушки сектантов.

Архонт Селен долго молчал, переводя взгляд с внучки на решительное лицо земного подростка, а затем на сурового кузнеца и бесстрастного механика. Наконец, старейшина медленно прикрыл глаза и глубоко вздохнул.

— Пусть будет так, — негромко произнес он. — У вас есть время до рассвета, пока поток в нижних жилах замедляет свой ход. Лира, ты отвечаешь за маршрут и связь. Горн и Ткач — за безопасность на сухих переходах. А ты, Александр... Береги себя. Этерион уже в долгу перед тобой, и мы сделаем все, чтобы ты увидел свой дом. Но помни: в глубине под городом обитают не только сектанты. Тьма, которую они разбудили, старше самих Первых Строителей.

Сашка кивнул, чувствуя, как по спине пробежал легкий, волнующий холодок. Приключение, которое началось как случайное падение в неизвестность, вдруг обрело четкую цель. Он посмотрел на Лиру — девушка стояла рядом, уже разворачивая в воздухе светящуюся схему подземных лабиринтов, и когда она на секунду подняла на него свои ясные голубые глаза, Сашка вдруг поймал себя на мысли, что ему впервые за весь этот безумный вечер совсем не хочется торопиться обратно.

Глава 4

Глава 4. Дыхание глубоких вод

Спуск с вершины Хрустальной Спирали в нижние ярусы Этериона напоминал медленное, завораживающее погружение в бездонную, переливающуюся всеми цветами драгоценных камней раковину наутилуса. Янтарная капсула, в которой на этот раз разместились пятеро — мудрый Хранитель Резонанса Вереск, могучий кузнец Горн с уютно примостившимся на его широком плече синим пушистым Шуршем, бесстрастный, мерно тикающий своими золотыми шестеренками механический Ткач, юная картограф Лира и сам Александр, — скользила по внешней световой магистрали вниз почти абсолютно бесшумно. Лишь едва уловимый, бархатистый шелест сопровождал движение кабины вдоль невидимого силового луча, натянутого между исполинскими башнями.

За прозрачными, словно выдутыми из горного хрусталя стенами проплывали причудливые, многоуровневые ярусы невероятного мегаполиса. Сначала они миновали роскошные, залитые теплым золотым сиянием висячие сады Верхних Галерей, где на изящных ветвях серебристых и лазурных деревьев спали прозрачные птицы, похожие на искусные ледяные скульптуры, внутри которых мерцали крошечные рубиновые огоньки. Чуть ниже раскинулись оживлен-

ные, не затихающие даже в этот поздний час кварталы ремесленников и стеклодувов. Оттуда, сквозь тонкую энергетическую мембрану капсулы, доносился приглушенный, ритмичный перезвон хрустальных наковален, шипение остужаемого живого металла и ровное гудение плавильных печей, работающих на чистом эфире. Еще ниже проплывали строгие, геометрически выверенные башни Великих Архивов и звездных обсерваторий, увенчанные медленно вращающимися сферами из дымчатого кварца и платины.

Но по мере того как капсула опускалась все глубже, приближаясь к циклопическому каменному основанию города, краски вокруг заметно тускнели и холодели. Теплое, уютное золотистое освещение верхних террас постепенно сменялось призрачным, бледно-голубым мерцанием редких аварийных кристаллов, намертво вмурованных в грубую каменную кладку. Исчезли ажурные висячие мосты, резные балконы и фонтаны из радужной пыли. Теперь их со всех сторон окружали гигантские, грубо отесанные опоры из черного базальта, уходящие куда-то в непроглядную, сырую мглу, откуда веяло тяжелым, терпким запахом озона, мокрого известняка и холодной, стоячей воды.

Сашка сидел в мягком кресле напротив Лиры, стараясь не смотреть на нее слишком пристально и откровенно, чтобы не смущать девушку, но взгляд то и дело сам собой возвращался к ее тонкому, благородному профилю. При холодном голубоватом освещении нижних уровней изящный серебри-

стый узор на ее скулах светился чуть ярче, отбрасывая мягкие, таинственные блики на длинные, цвета спелой пшеницы волосы, которые девушка перед выходом заплела в тугую, аккуратную косу и перекинула через левое плечо. Длинное парадное платье из синего бархата, в котором она предстала перед ним в зале Совета, Лира сменила на практичный, плотно облегающий костюм из темно-серой материи, напоминающей мягкую замшу, с множеством потайных карманов, серебряных застежек и странных миниатюрных приборов из потемневшей бронзы на узком поясе.

— Ты выглядишь очень сосредоточенным, Александр, — тихо произнесла Лира, отрываясь от изучения светящегося свитка, который она держала на коленях. Ее большие, ясные васильковые глаза встретились с его взглядом, и девушка чуть заметно, ободряюще улыбнулась. — Волнуешься перед погружением? Знаешь, это совершенно естественно. Даже самые опытные и закаленные стражи Нижнего Яруса всегда испытывают легкий трепет перед тем, как переступить порог Коллектора.

— Да нет, перед стартом всегда так бывает, — Сашка пожал широкими плечами, стараясь придать своему голосу привычную спокойную уверенность, хотя внутри у него действительно все слегка сжималось от неизвестности и масштаба происходящего. — У нас в плавании тренеры всегда говорят: если перед выходом на тумбу ты совсем не мандражируешь, значит, тебе просто все равно, как ты проплы-

вешь дистанцию. А мне сейчас совсем не все равно. Просто... до сих пор не верится, что все это происходит наяву. Еще несколько часов назад я лежал на теплом кафеле у бортика, растирал плечи и думал только о том, как бы не опоздать на последний автобус и не завалить завтрашнюю контрольную по физике. А теперь лечу в стеклянной капле под землей какого-то сказочного мира.

Лира наклонила голову набок, с искренним, неподдельным интересом разглядывая его лицо, руки, непривычную для здешних мест короткую стрижку. В этом ее движении было столько естественного, почти детского любопытства, что всякая неловкость между ними тут же исчезла.

— Расскажи мне о своем мире, Александр, — попросила она негромко, пока Горн и Вереск вполголоса обсуждали что-то у переднего панорамного стекла капсулы. — Какой он на самом деле? В наших древних архивах сохранились лишь обрывочные, туманные записи о так называемых плотных реальностях. Там говорится, что ваше небо днем ярко-голубое, словно лепесток василька, а ночью по нему плывет всего одна огромная серебряная луна, и в ней нет ни единой капли живого эфира. Неужели это правда?

— Чистая правда, — тепло улыбнулся Сашка, глядя сквозь прозрачную стену на проплывающие мимо темные базальтовые своды и вспоминал родной город. — У нас небо днем действительно голубое, а на закате окрашивается в нежно-розовый, золотой или ярко-оранжевый цвет. Правда,

сейчас у меня дома ноябрь — это самый конец осени, перед зимой. Небо почти все дни серое, низкое, затянутое плотными свинцовыми тучами, часто идет холодный, моросящий дождь, а деревья в парках уже давно сбросили листву и стоят голые, черные. Никаких парящих кораблей-медуз, световых магистралей и спиральных башен у нас нет. Обычные многоэтажные дома из кирпича и бетона, машины на резиновых колесах, асфальтовые дороги, обычные школы и бассейны...

— И все же ты так сильно стремишься вернуться туда, даже несмотря на то, что в твоем мире нет магии, а небо закрыто серыми холодными тучами? — в голосе Лиры прозвучало искреннее, глубокое удивление, в котором, однако, не было ни капли осуждения или высокомерия.

— Конечно, — просто и твердо ответил Сашка, и его улыбка стала чуть задумчивой и грустной. — Ведь там осталась моя мама. Она работает врачом на скорой помощи, часто дежурит по ночам, спасая людей, и когда возвращается утром после смены домой, мы всегда сидим на кухне, пьем горячий чай и завтракаем вместе. Она, наверное, сейчас с ума сходит от ужаса и неизвестности. Представь себе: пошел шестнадцатилетний сын на обычную вечернюю тренировку в бассейн, его куртка, рюкзак и телефон остались в закрытом шкафчике, лучший друг ждал у выхода, а сам он просто бесследно исчез из запертого зала, словно растворился в воде. Я не имею права бросить ее в такой беде.

Лира затихла, опустив длинные ресницы и глядя на свой

светящийся свиток. Тонкие серебристые линии на ее щеках на мгновение потускнели, словно отражая тихую, давнюю боль, спрятанную глубоко в сердце.

— Я очень хорошо понимаю тебя, Александр, — тихо произнесла она, едва слышно вздохнув. — Мои родители были исследователями Дальних Пределов. Три полных цикла назад их научная экспедиция ушла далеко за Хребет Поющих Ветров, чтобы составить точную карту новых эфирных жил, и... не вернулась. Меня вырастил и воспитал дедушка, Архонт Селен. С тех самых пор я выбрала путь картографа, чтобы однажды найти их след, разгадать тайну тех пустошей и, если повезет, вернуть их домой. Поэтому я даю тебе слово: чего бы нам это ни стоило, мы восстановим баланс Узла и откроем тебе дорогу к маме.

Сашка посмотрел на нее с неожиданной, щемящей нежностью и глубоким уважением. За внешней хрупкостью, изяществом и высоким положением внучки главы Совета скрывалась сильная, верная и одинокая душа, которой слишком рано пришлось узнать цену потери. Ему вдруг отчаянно захотелось сказать ей что-то по-настоящему теплое, поддержать ее, как он привык поддерживать младших ребят в спортивной школе перед их первыми серьезными заплывами, но в этот самый момент капсула мягко вздрогнула, плавно замедлила ход и бесшумно опустилась на широкую, пустынную каменную платформу, окруженную массивными, окованными потемневшей от времени бронзой арками.

— Прибыли, — глухо, басовито произнес Горн, первым поднимаясь с кресла и привычным движением поправляя за спиной тяжелый двуручный боевой молот, длинная рукоять которого была густо обвита толстыми медными жилами. — Дальше световые нити Совета не идут, да и энергии здесь едва хватает на дежурные светильники. Впереди — преддверие Нижнего Коллектора, так называемый Старый Шлюз.

Прозрачные створки капсулы разъехались в стороны, и в кабину сразу же ворвался густой, сырой, прохладный воздух, пропитанный резким запахом речной тины, грозового озона и старого, покрытого многовековой патиной железа. Здесь, на самом дне гигантской каменной чаши, в которой покоился Этерион, царил глубокий, давящий полумрак. Единственным источником света служили редкие, тускло мерцающие голубые кристаллы под высокими сводами да широкая, уходящая в темный зев тоннеля полоса того самого серебристого Эфирного Потока, который здесь, на глубине, казался куда более темным, тяжелым, свинцовым и грозным, чем на залитых огнями верхних террасах.

Вереск ступил на каменную платформу первым, окинул пристальным, настороженным взглядом пустынный гулкий зал и приложил длинные шестипалые ладони к ближайшей базальтовой колонне. На несколько секунд его гладкая древесная кожа покрылась тонкой, светящейся сетью золотистых прожилок, а пластинчатый гребень на голове тихо зашуршал, словно сухие листья на осеннем ветру, улавливая

малейшие вибрации камня.

— Поблизости никого нет, живых существ в радиусе трехсот шагов не ощущается, — негромко сообщил Хранитель Резонанса, отнимая руки от холодного базальта. — Однако энергетический фон здесь чудовищно искажен. Чувствуется грубое, враждебное вмешательство. Будто кто-то вбил ржавый железный клин прямо в натянутую живую струну.

— Это работа Пепельных, без малейшего сомнения, — сухо щелкнул механический Ткач, плавно выплывая из капсулы. Его многогранная кварцевая призма сейчас светилась ярким, холодным белым светом, разрезая подземный полумрак, как мощный луч прожектора. — Мои глубинные сенсоры фиксируют четкие остаточные следы темного эфира в трехстах пятидесяти метрах глубже по главному тоннелю, сразу за первым сифонным переливом. Там установлена первая энергетическая заглушка.

Лира подошла к самому краю широкого каменного парапета, нависающего над темной, медленно и тяжело текущей рекой, и развернула свой картографический свиток. Шелковистое полотно размером с небольшой платок само зависло в воздухе на уровне ее груди, мгновенно развернувшись в объемную, многослойную светящуюся схему подземных коммуникаций города.

— Подойди сюда, Александр, посмотри внимательно, — позвала она подростка, указывая тонким пальцем на сложное переплетение голубых и золотых линий. — Вот в этой

точке мы сейчас находимся — это Входной Бассейн Старого Шлюза. Отсюда берет начало Главный Водовод Третьего Яруса. Видишь этот резкий, узкий изгиб впереди? Это старый сифонный перелив. В обычное, спокойное время поток там не доходит до потолка на целый метр, и можно спокойно плыть по поверхности. Но сейчас, из-за того что Пепельные поставили свою заглушку за вторым поворотом, давление в трубе выросло, и уровень сырого эфира поднялся под самый свод. Воздушной подушки там больше нет — тебе придется плыть полностью под поверхностью около сорока пяти метров, пока ты не вынырнешь в следующую техническую камеру.

Сашка наклонился над светящейся картой, внимательно вглядываясь в каждый изгиб подземного русла и оценивая расстояние так, как привык оценивать незнакомый открытый водоем или сложную дистанцию перед ответственным заплывом.

— Сорок пять метров под водой без всплытия? — переспросил он вслух, быстро прикидывая в уме секунды, темп гребков и расход кислорода. — Это чуть меньше двух полных дорожек нашего двадцатипятиметрового бассейна. На хорошей задержке дыхания я спокойно проплываю пятьдесят метров в темпе, а если идти экономным брассом, не дергаясь и не тратя лишних сил, то и все семьдесят пять вытяну. Самое главное — не сбиться с курса в темноте и не налетать с разгона на какой-нибудь каменный выступ или балку.

— За видимость и курс не переживай, мы все предусмотрели, — Лира достала из поясной сумки два небольших, искусно сработанных предмета. Первым оказался тонкий, гибкий серебристый обруч с крошечным ограненным голубым кристаллом посередине, а вторым — тяжелый плоский металлический диск размером с крупную старинную монету, покрытый сложной, едва заметно пульсирующей вязью рун. — Вот это — резонансный маяк картографа. Надень его на лоб, как обычную спортивную повязку. Кристалл будет освещать пространство перед тобой мягким, ровным светом, который не рассеивается и не слепит в плотной эфирной среде. Но самое главное — он настроен на частоту моего свитка. Я буду видеть каждую твою точку на карте в реальном времени и смогу передавать тебе голосовые подсказки прямо по костной вибрации обруча, даже если ты уйдешь на самую глубину.

— А для чего нужен этот диск? — спросил Сашка, принимая легкий, прохладный обруч и аккуратно надевая его на голову. Стоило металлу коснуться кожи, как кристалл на лбу мягко вспыхнул чистым, приятным глазу бирюзовым светом, высветив серые каменные плиты под ногами.

— Это рунный дестабилизатор, — вперед плавно скользнул Ткач, остановившись рядом с девушкой. Его синтезированный голос звучал ровно, четко и спокойно, как у опытного наставника. — Энергетические глушители Пепельных работают на замкнутом контуре выкачки темного эфира. Ес-

ли попытаться разбить их грубой физической силой или ударом молота, произойдет мгновенный обратный выброс энергии, который гарантированно оглушит тебя и обрушит свод старого тоннеля. Тебе нужно подплыть к центральному ядру глушителя и просто плотно приложить этот диск к его металлическому основанию. Руны замкнут контур сам на себя, и устройство тихо выключится без единой искры и взрыва.

— Звучит предельно понятно, — кивнул Сашка, убирая прохладный диск в специальный набедренный кармашек своих новых штанов, который тут же сам собой плотно затянулся, надежно фиксируя груз. — Остался только один вопрос: как вы сами попадете в ту техническую камеру, если весь основной проход затоплен под завязку?

— Для нас есть старый обходной путь через верхние вентиляционные штольни, — прогудел Горн, проверяя крепление боевого молота за спиной. — Правда, идти там придется в большой обход, почти два километра по узким, скользким карнизам, где мне с моими плечами даже не развернуться в полную силу, да и древних завалов там хватает. Но мы пойдем быстро. К тому моменту, как ты преодолеешь сифон, доберешься до камеры и снимешь первую заглушку, мы уже должны будем выйти к верхней смотровой галерее над ней и прикрыть тебя сверху, если у механизма вдруг окажется охрана.

Вереск подошел к Сашке вплотную и положил обе длинные, прохладные руки ему на плечи. В полностью черных

глазах Хранителя Резонанса светилась искренняя, глубокая тревога, смешанная с огромным уважением к смелости юного гостя.

— Помни главное правило, Александр, — тихо, проникновенно сказал он. — Эфирный Поток на большой глубине коварен и своенравен. Никогда не пытайся бороться с его течением в лоб. Если почувствуешь, что тебя затягивает в водоворот или прижимает к стене — не трать силы на сопротивление, позволь потоку подхватить тебя и выходи из вихря по касательной, как учит сама природа текущей воды. И если вдруг почувствуешь, что силы на исходе или дыхание начинает сбиваться, немедленно поворачивай назад. Ни один канал в Этерионе не стоит твоей жизни.

— Я обязательно вернусь, даже не сомневайтесь, — твердо улыбнулся Сашка, стараясь унять легкую, предательскую дрожь в кончиках пальцев.

Он повернулся к Лире. Девушка стояла всего в полушаге от него, прижимая к груди светящийся свиток. В ее больших васильковых глазах сейчас читалось столько неподдельного, живого волнения за него, что у Сашки вдруг перехватило дыхание куда сильнее, чем перед прыжком в ледяную воду.

— Будь предельно осторожен, Саша, — тихо, почти шепотом произнесла она, впервые назвав его коротким, привычным земным именем, которое прозвучало в ее устах удивительно мягко и тепло. — Я буду неотрывно следить за каждым твоим движением на карте. И... я жду тебя на той сто-

роне, у верхнего выхода.

— Есть, товарищ картограф, — шутливо, но с теплой улыбкой козырнул он, чувствуя, как на душе становится удивительно светло и спокойно. — Встречаемся у финиша.

Больше он не медлил ни секунды. Скинув легкие замшевые сапоги и оставив их у колонны под присмотром Вереска, Сашка подошел к самому краю мокрого каменного парапета, уходящего ступенями прямо в темный зев водовода. Он аккуратно натянул на глаза свои старые, проверенные десятками соревнований стартовые очки — единственную вещь из родного мира, которая осталась при нем, кроме спортивных плавок, — и сделал три глубоких, медленных вдоха, насыщая кровь кислородом. Раз, два, три... Легкие наполнились до отказа, сердце послушно замедлило свой бег, переходя в экономный, рабочий режим.

Сашка мягко оттолкнулся от скользкого камня и почти беззвучно, без единого лишнего всплеска скользнул в темную, переливающуюся жидким серебром гладь подземного канала.

Поток сразу же обхватил его со всех сторон плотным, упругим, едва заметно вибрирующим коконом. Здесь, в замкнутом пространстве подземного тоннеля, жидкость казалась еще более густой, плотной и тяжелой, чем в открытых каналах наверху, но то удивительное ощущение природного родства с этой стихией, о котором говорила Лира в зале Совета, никуда не исчезло. Напротив, стоило Сашке сде-

лать первый широкий, мощный гребок брассом, как плотный эфир словно сам расступился перед его ладонями, пропуская тело вперед с минимальным сопротивлением, но при этом давая мощнейшую, почти твердую опору для кистей и ступней при отталкивании.

Ровный бирюзовый луч кристалла на лбу разрезал подводную мглу на десять метров вперед, высвечивая древние каменные стены тоннеля, покрытые причудливой геометрической резьбой и странными светящимися водорослями, которые тихо, плавно колыхались в такт течению, словно длинные шелковые ленты. Свод действительно быстро опускался вниз, и уже через пятнадцать метров воздушная прослойка над головой полностью исчезла — канал превратился в сплошную, замкнутую каменную трубу, до краев заполненную тяжелой, светящейся жидкостью.

«Спокойно, держи темп, — мысленно приказал себе Сашка, выдерживая идеальный, отточенный годами ритм гребков. — Двадцать метров позади. Дыхания с большим запасом. Не торопиться, не суетиться, слушать поток».

Внезапно тонкий серебристый обруч на его лбу мягко, едва ощутимо завибрировал, и прямо внутри головы — не в ушах, оглушенных плотной средой, а словно в самом центре сознания — зазвучал чистый, чуть взволнованный голос Лиры:

— Саша, ты меня слышишь? Я четко вижу твой маяк на карте, ты идешь строго по центру сифона, скорость

отличная. До выхода в техническую камеру осталось всего около пятнадцати метров. Будь внимателен у следующего плавного поворота направо — там сечение трубы сужается, может быть сильный боковой снос к стене.

Сашка не мог ответить словами под водой, но в знак того, что отлично слышит и понимает ее подсказки, дважды легонько постучал пальцем по оправе кристалла на лбу. По вибрирующей связи тут же пришел короткий, радостный хрустальный перезвон — Лира увидела всплеск сигнала и поняла его знак. Эта невидимая, тонкая нить, связывающая его с голубоглазой девушкой наверху, придавала невероятную уверенность и спокойствие. Он больше не чувствовал себя одиноким, заброшенным пришельцем в чужом, пугающем подземелье.

Миновав плавный поворот направо, Сашка действительно ощутил, как течение резко набрало силу, пытаясь сбить его с курса и прижать к левой стене тоннеля, где из камня торчали острые, заросшие твердым известковым налетом ребра старых укреплений. Не тратя драгоценных сил на бессмысленное сопротивление потоку, он, точно как советовал Вереск, слегка накренил корпус, поймал боковую струю, словно опытный серфер крутую волну, и одним мощным, слитным толчком обеих ног выбросил себя вперед, прямо в широкий арочный проем, за которым каменный свод тоннеля резко уходил вверх.

Голова вынырнула на поверхность с тихим, едва слыш-

ным шелестом. Сашка осторожно, стараясь не производить ни единого лишнего звука, выдохнул остатки воздуха и жадно, но абсолютно бесшумно набрал полную грудь свежего, прохладного воздуха.

Он оказался в огромном, полутемном куполообразном зале, напоминающем внутренность гигантского каменного колокола. Высокие стены здесь были сложены из идеально подогнанных блоков черного полированного гранита и испещрены сложными золотыми схемами, которые сейчас едва тлели тусклым, умирающим светом. Посередине зала над поверхностью воды возвышался массивный круглый каменный остров, соединенный с дальним берегом узким горбатым мостиком без перил. И прямо в центре этого острова, хищно опутав своими черными, похожими на паучьи лапы опорами главный распределительный кристалл канала, глухо гудело и пульсировало уродливое, зловещее сооружение.

Это и был глушитель Пепельных. Он напоминал гигантское металлическое сердце, закованное в грубую, ржавую броню, из которого во все стороны тянулись толстые, судорожно пульсирующие черные трубки, впившиеся прямо в светящиеся энергетические жилы каменного пола. С каждым глухим, тяжелым ударом этого механизма из главного кристалла вытягивался пучок чистого золотистого света, превращаясь внутри черного сердца в густой, ядовито-багровый дым, который с шипением уходил куда-то вниз, в глубокую шахту за островом.

Но не только чудовищный механизм заставил Сашку мгновенно затаиться в густой тени у самого края каменной набережной, погрузившись в воду по самые глаза и стараясь даже не шевелить пальцами.

На острове вокруг глушителя стояли трое.

Они были облачены в длинные, глухие балахоны цвета пепла и печной сажи с глубокими, надвинутыми на самые лица капюшонами. В руках у двоих поблескивали длинные металлические посохи, увенчанные тусклыми багровыми кристаллами, от которых во все стороны исходил неприятный, колючий холод, заставлявший серебристую воду вокруг острова покрываться тонкой, хрустящей коркой черного льда. Третий — высокий, сутулый человек в глухой маске из потемневшего серебра, напоминающей вытянутый череп хищной птицы, — стоял прямо перед пультом управления глушителя и медленно поворачивал тяжелые рычаги, увеличивая мощность выкачки.

— Поток в жилах падает даже быстрее, чем мы рассчитывали, — проскрипел человек в птичьей маске. Его голос звучал глухо, с неприятным металлическим лязгом, но Сашка отчетливо понимал каждое слово — видимо, на нем все еще действовало остаточное поле переводчика Ткача или рун картографического обруча. — Еще полчаса работы на полных оборотах, и Верхний Ярус лишится половины всей энергии. Совет не успеет перебросить резервы из запасных хранилищ.

— А что со старым пространственным Узлом под Нижним Ярусом, Магистр? — негромко спросил один из стражников с посохом, нервно оглядываясь по сторонам и вглядываясь в темные своды галерей. — Наши приборы зафиксировали мощный всплеск резонанса пару часов назад. Будто кто-то живой прошел сквозь закрытый Стык.

— Нелепая случайность, не стоящая внимания, — презрительно фыркнул Магистр, даже не обернувшись к подчиненному. — Если кого-то и затянуло из внешних, плотных миров без защитной оболочки, он давно сгорел в фоновом излучении или захлебнулся в нижних каналах. Ни один житель Этериона не доберется сюда вплавь без тяжелого снаряжения, а верхние вентиляционные шахты мы надежно завалили камнем еще вчера вечером. Следите лучше за мостом и не отвлекайтесь на пустые страхи.

Сашка замер у самой кромки холодной, покрывающейся ледяной коркой воды, стараясь дышать как можно тише и поверхностнее. Вентиляционные шахты завалены камнем! Это означало, что Горн, Вереск и Ткач неизбежно задержатся в пути и не успеют подойти к верхней галерее вовремя, чтобы отвлечь охрану. Если он вылезет на остров в открытую, двое стражников с багровыми посохами превратят его в ледяную статую раньше, чем он успеет сделать три шага по скользким плитам.

«Думай, Сашка, думай быстро, — лихорадочно работала мысль, пока глаза внимательно изучали каждый метр осве-

щенного багровым светом острова. — Как добраться до этой черной машины так, чтобы тебя не заметили до самого последнего мгновения?»

Взгляд подростка скользнул по краю каменного острова. Глушитель стоял почти в самом центре, в четырех метрах от воды. Но его толстые черные трубки-щупальца тянулись по каменным плитам прямо к краю уступа и уходили под воду, врезаясь в магистральные жилы на глубине пары метров. И прямо за массивным корпусом механизма, со стороны, противоположной узкому мостику, нависал небольшой каменный карниз над самой водой — там было темнее всего, куда почти не доставал тусклый багровый свет от посохов стражников.

А если не нужно подходить спереди? Если вынырнуть прямо за спиной у Магистра, из самой глубокой тени, пока все трое смотрят на мост и на показания приборов?

Серебристый обруч на лбу едва заметно завибрировал — Лира снова вышла на связь, ее голос звучал на самой грани слышимости, словно легкий шепот на ветру:

— Саша, мои сенсоры показывают три тепловые сигнатуры на центральном острове. Это диверсанты Пепельных. Горн и Ткач наткнулись на искусственный завал в северной штольне, им потребуется еще не меньше десяти минут, чтобы пробить камень. Не рискуй, оставайся в воде и дождись их!

Но десяти минут у них не было — Магистр только что сам

сказал, что через полчаса город начнет стремительно терять энергию, а за это время они успеют полностью обесточить сектор. К тому же, чем дольше Сашка находился в ледяной подземной воде у края острова, тем быстрее уходило тепло из мышц.

Он осторожно выключил свечение кристалла на лбу, прикрыв его ладонью, чтобы случайный бирюзовый блик не выдал его в полумраке, набрал полную грудь воздуха и бесшумно, без единого всплеска ушел под воду.

Под поверхностью здесь царил почти непроглядный мрак — лишь слабый, умирающий свет исходил от поврежденных золотых жил на дне канала. Ориентируясь по темному, массивному силуэту каменного острова, Сашка тихо, почти не работая ногами, чтобы не создавать на поверхности лишних кругов и волн, подплыл к дальнему, неосвещенному краю уступа. Под водой здесь тянулись те самые толстые черные трубки глушителя, которые мелко, противно вибрировали и источали ледяной могильный холод, отчего кожа на руках сразу покрылась мурашками.

Схватившись за скользкий, покрытый тонким ледком выступ камня, Сашка медленно, по миллиметру поднял голову над поверхностью воды.

Ему невероятно повезло. Огромный, угловатый металлический корпус глушителя полностью закрывал его от взглядов двоих стражников, стоявших лицом к мосту, а сам Магистр в серебряной птичьей маске стоял к нему спиной, низ-

ко склонившись над рычагами пульта всего в двух шагах впереди. Слышалось только тяжелое, гулкое «бум-бум-бум» работающего механизма да тихое, зловещее потрескивание багровых кристаллов на посохах стражи.

Сашка бесшумно подтянулся на сильных руках и выбрался на мокрый камень. Босые ступни не издали ни единого звука. Пригнувшись почти к самой земле, он скользнул в густую черную тень за корпусом машины и достал из набедренного кармана плоский металлический диск Ткача.

Оставался всего один метр до центрального ядра глушителя — светящейся яростным багровым огнем сферы, зажатой между тремя ржавыми захватами. Сашка затаил дыхание и протянул руку с диском вперед...

И в этот самый миг пушистый комок ярко-синего мха — неутомимый Шурш, который, видимо, умудрился пролезть вперед от Горна по узкой трещине в каменном завале и только что выскочил на свод верхней галереи, — издал пронзительный, оглушительный боевой писк, камнем прыгая сверху прямо на голову ближайшего стражника!

— Тревога! Нападение! Кто здесь?! — дико рявкнул стражник, роняя посох и обеими руками отмахиваясь от вцепившегося ему в капюшон разъяренного зверька.

Магистр в птичьей маске мгновенно, с невероятной для его сутулой фигуры скоростью развернулся. Его глаза за узкими прорезями серебряной маски вспыхнули яростным алым светом, и он увидел подростка в мокрых штанах, ко-

торый в полуметре от него тянулся рукой к самому сердцу глушителя.

— Убрать его немедленно! — пронзительно взвизгнул Магистр, выбрасывая вперед правую руку в тяжелой, закованной в черную сталь перчатке.

Из растопыренных пальцев сектанта сорвалась ослепительная, трещащая молния черного пламени. Но Сашка, привыкший за годы тренировок реагировать на резкий стартовый выстрел за доли секунды, не стал отпрыгивать назад под удар — он просто молниеносно рухнул вперед, на мокрый, ледяной камень, и прямо в падении с силой прижал рунный диск Ткача к самому основанию багрового ядра.

Черная молния прошла в паре сантиметров над его спиной, больно опалив ткань новой рубахи и с оглушительным треском разнеся в мелкую крошку каменный парапет за его спиной. А в следующее мгновение сложные руны на диске Ткача вспыхнули ослепительным, чистым, торжествующим золотым светом.

Раздался звук, похожий на протяжный звон лопнувшей гигантской струны. Тяжелое гудение глушителя оборвалось на полуслове. Багровое ядро мгновенно почернело, покрылось густой сетью трещин и рассыпалось мелким серым пеплом, а из освобожденных золотых жил в каменном полу вверх ударил мощный, радостный фонтан чистого серебристого света.

В тот же миг массивная каменная переборка в стене верх-

ней галереи разлетелась в пыль под сокрушительным ударом двуручного боевого молота. В густом облаке известковой пыли на широкий карниз выскочил разъяренный Горн, кожа которого полыхала оранжевым жаром, как раскаленная добела кузнечная печь, а рядом с ним бесшумно опустился на платформу механический Ткач, чьи манипуляторы уже разворачивали тонкие светящиеся энергетические сети.

Увидев, что глушитель полностью уничтожен, поток восстанавливается, а подкрепление Совета уже ворвалось в зал, Пепельные не стали принимать открытый бой. Магистр в птичьей маске бросил себе под ноги темную стеклянную сферу, из которой мгновенно вырвалось облако густого, едкого черного дыма, и через пару секунд, когда Ткач разогнал завесу мощным направленным потоком воздуха, на острове уже никого не было — сектанты успели скрыться в потайном лазе за глубокой шахтой.

— Живой, парень?! Цел?! — прогремел Горн на весь гулкий зал, легко спрыгивая с высокой галереи прямо на горбатый мостик и подбегая к поднимающемуся с мокрых камней Сашке. — Шурш, пострел, учуял засаду сквозь камень и вперед меня в щель рванул! Не задело тебя черным огнем?

— Цел, все в порядке, — хрипло выдохнул Сашка, отряхивая мокрые, испачканные в пепле ладони и чувствуя, как бешеный адреналин постепенно отпускает, уступая место приятной, гудящей усталости и тихой гордости. — Только рубаху на спине немного подпалили, придется снова к Ма-

стеру Шелков идти. Но глушитель выключен. Смотрите, поток снова пошел!

Действительно, темная, свинцовая вода в канале вокруг острова на глазах светлела, наливаясь привычным, живым, теплым серебристым сиянием, а сложные золотые схемы на высоких стенах подземного зала зажглись ровным, радостным, торжественным светом.

Спустя пять минут, когда Сашка вплавь вернулся через сифонный перелив обратно во Входной Бассейн — на этот раз плыть по течению было одно сплошное удовольствие, оживший поток сам нес его вперед, словно на невидимых крыльях, — его уже ждали. Едва он вылез на каменные ступени, сбрасывая стартовые очки на лоб, к нему стремительно подбежала Лира. Девушка не стала сдерживать чувств: она забыла о строгом этикете Совета, забыла о присутствии Вереска и просто крепко, порывисто обняла мокрого, пахнущего озоном и глубокой рекой парня.

— Никогда больше так не делай, слышишь меня? Никогда! — тихо, но с такой искренней, дрожащей теплотой прошептала она ему на самое ухо, что у Сашки закружилась голова сильнее, чем от трехметровой глубины. — Когда связь на секунду прервалась от черной вспышки, я думала, у меня сердце просто остановится.

— Обещаю, в следующий раз буду строго соблюдать инструкцию картографа, — тихо, с улыбкой ответил Сашка, осторожно обнимая ее в ответ за хрупкие плечи и чувствуя,

как от ее светлых волос пахнет ночными цветами, свежестью и далекой звездной пылью.

Они стояли на берегу светящейся подземной реки, окруженные древними тайнами Этериона, и оба ясно понимали, что это была только первая, маленькая победа. Где-то в непроглядной глубине заброшенных шахт уцелевшие Пепельные уже готовили новый, куда более коварный удар, но теперь у прекрасного древнего города появился защитник, которого не было ни в одном старом пророчестве.

Глава 5

Глава 5. Эхо старых архивов

Возвращение из сырых, гулких недр Нижнего Коллектора в залитые мягким предрассветным светом Верхние Галереи ощущалось как всплытие с огромной глубины к теплой поверхности летнего моря. Когда янтарная капсула плавно скользнула вверх вдоль центральной световой магистрали, город вокруг заметно преобразился. Даже на самой дальней окраине, в Забытых Секторах, которые еще пару часов назад пугали Сашку мертвой, черной проплешиной на сверкающем теле мегаполиса, теперь снова затеплились слабые, но живые золотистые огоньки. Спиральные башни словно вздохнули полной грудью, расправляя плечи после тяжелого удушья, а по воздушным нитям вновь заструились быстрые капли транспортных челноков.

Внутри кабины царила тихая, умиротворенная атмосфера. Могучий Горн, устроившись в широком кресле, тихо напевал себе под нос низкую, протяжную мелодию, напоминающую гудение горного ветра в ущелье, и бережно поглаживал уснувшего у него на коленях Шурша. Механический Ткач пребывал в режиме глубокого анализа — внутри его прозрачного корпуса шестеренки вращались медленно и размеренно, а в кварцевой призме мягко переливались золотые и синие блики, словно он перебирал в памяти каждую се-

кунду недавней схватки у шлюза. Вереск задумчиво смотрел в панорамное окно на приближающийся рассвет: глубокое бархатистое небо на востоке постепенно светлело, окрашиваясь в нежные оттенки перламутра, розового кварца и бледной мяты.

Сашка сидел рядом с Лирой. Плечо в плечо. После того порывистого, искреннего объятия на каменных ступенях Входного Бассейна между ними словно исчезла последняя невидимая стена, разделявшая гостя из далекого плотного мира и юную обитательницу Этериона. Они почти не разговаривали во время подъема — в словах сейчас не было нужды, — но каждый раз, когда Сашка случайно поворачивал голову, он встречал спокойный, теплый взгляд ее ясных васильковых глаз, от которого усталость в мышцах таяла быстрее, чем от любого целебного отвара.

На вершине Хрустальной Спирали их уже ждал полный состав Совета Равновесия. Весть об успешном запуске магистрального водовода и бегстве диверсантов Пепельных опередила их на несколько минут. Архонт Селен, опираясь на высокий посох из светлого, словно выбеленного морем дерева, шагнул навстречу и впервые за все время позволил себе сдержанную, но по-настоящему гордую улыбку.

— Вы совершили то, на что у отряда тяжелой стражи ушло бы не меньше двух суток, — произнес глава Совета, окидывая взглядом опаленную на спине рубаху Сашки, закопченный от взрыва молот Горна и довольную мордочку

проснувшегося Шурша. — Магистраль Третьего Яруса снова чиста, давление в жилах стабилизировано, а башни Забытых Секторов уже получают резервное питание. Этерион в неоплатном долгу перед вами, друзья. И особенно перед тобой, Александр.

— Я просто сделал то, что умел, Архонт, — слегка смутившись от столь торжественных слов перед лицом древних хранителей города, ответил Сашка. — Но боюсь, радоваться пока рано. Тот человек в серебряной птичьей маске... Остальные называли его Магистром. Он сказал, что это лишь начало, и перед тем как сбежать, они ушли через какой-то потайной ход за глубокой шахтой.

— Мы уже направили туда отряды механических разведчиков Ткача и стражей из народа Подземного Пламени, — глухо произнес Мастер Игнис, скрестив на груди тяжелые руки. — Однако лабиринты под старыми шахтами тянутся на десятки лиг вглубь горного хребта. Пепельные готовились к этому удару не один месяц. Нам нужно знать, что именно они ищут внизу и зачем им понадобилось выкачивать чистый эфир в заброшенные глубины.

— Лира, — обратился Архонт Селен к внучке, — Ткач передал в Великий Архив слепок энергетического поля того глушителя, который обезвредил Александр. Отправляйся туда вместе с нашим гостем, как только он отдохнет и приведет себя в порядок. Возможно, в древних хрониках Первых Строителей найдется упоминание о подобных механизмах.

А нам с членами Совета нужно немедленно заняться укреплением защиты остальных секторов и проверкой пространственного Узла.

При упоминании пространственного Узла сердце Сашки невольно екнуло. Он с надеждой посмотрел на старейшину.

— Архонт, раз поток в каналах восстановился... Значит ли это, что теперь энергии хватит, чтобы снова открыть мой проход домой?

В зале на секунду повисла тишина. Вереск отвел взгляд в сторону звездного бассейна, а Лира едва заметно закусила нижнюю губу. Архонт Селен тяжело вздохнул и мягко положил сухую, теплую ладонь на плечо подростка.

— Мы проверим Узел прямо сейчас, Александр, обещаю тебе. Но будь готов к тому, что разлом, через который ты попал сюда, не похож на обычные двери. Когда глушитель Пепельных выкачивал энергию, он исказил саму ткань пространства вокруг Нижнего Яруса. Потребуется время, чтобы выровнять колебания и рассчитать точные координаты твоего мира, иначе мы рискуем отправить тебя в пустоту. Дай нам один полный цикл. А пока — отдохни. Вереск проводит тебя в гостевые покои, а Мастер Шелков уже прислал тебе новую одежду взамен испорченной в бою.

Спорить со старейшиной было бессмысленно, да и сам Сашка чувствовал, что после бессонной ночи, тяжелой тренировки в родном бассейне и ледяного заплыва в подземном коллекторе его силы находятся на самом пределе. Ноги гуде-

ли, глаза слипались, а в голове стоял легкий, приятный звон.

Гостевые покои, куда его проводил Вереск, располагались в одном из восточных крыльев Хрустальной Спирали, высоко над городом. Комната оказалась просторной, светлой и удивительно уютной. Вместо привычных земных стен с обоями ее окружали полупрозрачные перегородки из матового, теплого на ощупь камня, через которые проникал мягкий перламутровый свет наступающего утра. Посередине стояло широкое ложе, застеленное невесомыми покрывалами из облачного шелка, а у панорамного окна, выходящего прямо на висячие сады, находилась небольшая купальня, наполненная чистой, теплой, слегка пахнущей хвойной смолой водой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.